

А.В. Дмитриев, А.С. Виноградов
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО СТАТУСА
ВИДЕОЗАПИСИ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Александр Викторович Дмитриев – зав. кафедрой безопасности, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (СЗИУ РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: dmitriev-av@ranepa.ru.**

Андрей Сергеевич Виноградов – доцент кафедры таможенного администрирования, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы (СЗИУ РАНХиГС) при Президенте Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, г. Санкт-Петербург; **e-mail: anvin80@inbox.ru.**

Статья посвящена анализу доказательственного значения видеозаписи, полученной при производстве следственных действий, как альтернативы протокольной форме их фиксации. Чтобы повысить доказательственную значимость видеозаписи следственного действия, авторы обосновывают необходимость изменения ее процессуального статуса с «приложения к протоколу» на «самостоятельный источник доказательств», установив при этом паритет между видеозаписью и протоколом.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; УПК РФ; следственное действие; видеозапись; доказывание; протокол; источник доказательств.

A.V Dmitriev, A.S Vinogradov
IMPROVING EVIDENTIARY STATUS OF INVESTIGATIVE
ACTIONS VIDEO RECORDING

Alexander Dmitriev – Head, the Department of Security, North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (SZIU RANEPa) under the President of the Russian Federation, Doctor of Economics, Associate Professor, St. Petersburg; **e-mail: dmitriev-av@ranepa.ru.**

Andrey Vinogradov – Associate Professor, the Department of Customs Administration, North-Western Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration (SZIU RANEPa) under the President of the Russian Federation, Ph.D. in Law, Associate Professor, St. Petersburg; **e-mail: anvin80@inbox.ru.**

The article is dedicated to the analysis of evidentiary value of video recording obtained during investigative activities as an alternative to the protocol form of recording thereof. To increase the probative value of videotaping the investigative action the authors substantiate the need for changing its procedural status from the “annex to the protocol” to an “independent source of evidence” while establishing parity between the video recording and the protocol.

Keywords: criminal process; criminal proceedings; Code of Criminal Procedure of the Russian Federation; investigative action; video recording; proof; protocol; source of evidence.

В российском уголовном судопроизводстве традиционно главным средством процессуальной фиксации получаемых в результате следственных действий данных является протокол. Именно протокол

следственного действия как самостоятельный источник доказательств закреплен в ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Доказательственное значение прото-

кола обусловлено его соответствием двум неотъемлемым требованиям – полноте и объективности.

Вместе с тем очевиден тот факт, что протокол как основной фиксатор результатов проведенных следственных действий имеет ряд недостатков, которые к настоящему времени так и не представилось возможным устранить ни на теоретическом, ни на практическом уровнях. Во-первых, специфика протокола такова, что отраженные в нем факты лично воспринимались лишь участниками следственного действия, а те, кому в дальнейшем предстоит оценивать такое доказательство (например, суд), будут иметь в распоряжении только данные из этого протокола, не носящие наглядного характера. Во-вторых, нередко возникают ситуации, при которых в протоколе не удается в полной мере и объективно отразить в целом ход и результаты действия по причине сложных условий проведения, усталости следователя или витиеватости его письменных формулировок. В-третьих, протокол во всех случаях носит субъективный характер и отражает только информацию, которую усмотрел необходимым включить в этот протокол следователь. Однако он не всегда может соответствующим образом оценить значимость какого-либо объекта или факта, и вследствие этого они не найдут отражения в протоколе. В-четвертых, значимый недостаток протокола – его статичность. В нем практически невозможно наглядно отразить динамику описываемого события.

Ввиду указанных недостатков протокола как единственного средства фиксации проведенного следственного действия, имеющего силу самостоятельного доказательства, внимание законодателя должно быть обращено на дальнейшее совершенствование источников доказательств, закрепленных уголовно-процессуальным законом. Следует согласиться с Т.И. Ястребовой и А.В. Ордан в том, что уголовное судопроизводство – одна из сфер, в которой достижения научно-технического прогресса должны быть использованы для разрешения имеющихся проблем [15, с. 47]. В развитие этой мысли считаем необходимым указать, что решением приве-

денных выше вопросов протокольного способа фиксации следственного действия могла бы выступить видеозапись. Безусловно, видеозапись активно применяется при производстве следственных действий давно, но она носит второстепенный характер, имея статус лишь приложения к протоколу. Мы ратуем за то, чтобы видеозаписи следственного действия был придан статус самостоятельного доказательства, которое можно было бы использовать не в дополнение к протоколу, а в качестве альтернативы ему. Этот тезис и попытаемся обосновать далее в статье.

Нельзя не согласиться с позицией А.В. Холопова [12, с. 26] в том, что использование видеофиксации при производстве следственных действий способствует не только их эффективности, объективности, достоверности и наглядности, но и оперативности, экономичности. При этом, как пишет Л.А. Шестакова, фиксация следственного действия посредством видеозаписи дает возможность наглядно отразить как обстановку, имеющуюся на каком-либо объекте, так и последовательность выполняемых действий [14, с. 174]. Нельзя не поддержать и мнение Б.В. Рудакова, справедливо утверждающего, что видеозапись по степени отражения действительности и сроку ее возможного хранения существенно превосходит способности памяти любого понятого [7, с. 498]. Существуют исследования, согласно которым видеозапись способна храниться как минимум десять лет без того, чтобы быть подверженной разрушительному воздействию каких-либо электромагнитных полей [13, с. 73]. Скорость, надежность и простота в использовании – это позитивные характеристики, которые находят в видеозаписи следственных действий С.Ю. Рывкин и О.П. Коноплева [8, с. 45]. Ее применение при производстве следственных действий существенно повышает шансы на успех расследования и является эффективным при производстве практически любого из следственных действий [11, с. 131].

Применение видеофиксации следственных действий становится позитивным еще и по причине постоянного совершенствования технических устройств, разви-

тия в них простоты использования и надежности. Видеозапись способствует лучшему восприятию информации, которая на ней зафиксирована, что дает возможность и более качественно ее оценивать, а также при помощи нее проверять иные имеющиеся в деле доказательства. Выгодная сторона видеозаписи следственного действия по сравнению с протоколом представлена и тем, что она позволяет свести к минимуму оспариваемость участниками процесса зафиксированных при помощи нее данных, что нередко наблюдается при применении протокольной формы фиксации [5, с. 109]. Таким образом, общий экскурс в научные позиции ученых-процессуалистов относительно значения видеозаписи при производстве следственных действий позволяет заключить, что она служит эффективным способом их фиксации, а ее использование представляется обоснованным и необходимым средством, способствующим результативному решению задач уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования.

Вернемся к вопросу о доказательственном статусе видеозаписи следственного действия в действующем российском уголовно-процессуальном законе. В 2012 г. в УПК РФ внесены изменения, согласно которым при составлении протокола следственного действия к нему необходимо приобщать видеозапись, изготовленную в ходе этого действия [1]. Тем самым законодатель признал, что видеофиксация – это важное средство отражения хода и результатов следственного действия, способствующее защите прав участников сторон, а также повышению ответственности лиц, осуществляющих производство по делу.

Анализ действующего статуса видеозаписи, по УПК РФ, позволяет сделать вывод о том, что ее применяют факультативно. Однако мы живем в «цифровую» эпоху, поэтому видеозапись при производстве следственных действий, как представляется, должна применяться не в исключительных случаях и по усмотрению должностного лица, производящего следственное действие, а в императивном по-

рядке. В связи с этим в уголовно-процессуальном законе должно быть закреплено положение, согласно которому применение видеозаписи, фиксирующей ход и результаты следственного действия, является обязательным.

С учетом указанного выше предлагаем внести изменения в ч. 6 ст. 164 УПК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«При производстве следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления и вещественных доказательств. *При этом применение видеозаписи следственных действий является обязательным, за исключением случая, предусмотренного ч. 5 ст. 179 УПК РФ.* Перед началом следственного действия следователь предупреждает лиц, участвующих в следственном действии, о применении технических средств».

Предлагаемая нами обязательная видеофиксация следственных действий не должна отменять участие понятых в случаях, которые установлены для этого ст. 170 УПК РФ. Участие понятых в таких ситуациях выступает дополнительной гарантией законности производства соответствующих следственных действий.

Далее обратим внимание на то, что познание в сфере уголовного судопроизводства сопряжено с одновременным наличием двух аспектов – познавательного и удостоверительного. Это связано и с тем, что в уголовно-процессуальном доказывании недопустимо использовать произвольные средства, и с тем, что в этом доказывании могут быть задействованы только способы, которые исчерпывающе указаны в уголовно-процессуальном законе [9, с. 55]. Нарушение законных требований всегда влечет процессуальную санкцию в виде признания соответствующего доказательства недопустимым и его исключения из доказательственной базы.

В соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ одним из самостоятельных источников доказательств служит протокол следственного действия. При этом видеозапись, зафиксированная на носителе любого вида, не является структурной частью

протокола, а выступает в качестве приложения к нему. Такой вывод можно напрямую сделать из ч. 8 ст. 166 российского уголовно-процессуального закона, которая начинается словами «К протоколу прилагаются...». Это означает, что все, что изготовлено при производстве следственного действия (фото-, кино-, видеозаписи), должно быть приложено к протоколу, не являясь ни его элементом, ни альтернативой ему.

Исходя из этого, можно заключить, что функции видеозаписи, с точки зрения законодателя, сводятся исключительно к демонстрационным. Такая ситуация представляется нелогичной, поскольку не позволяет задействовать информативный потенциал видеозаписи. Как пишет А.А. Тимошенко, любопытным является тот факт, что практические работники, осуществляющие производство по уголовным делам, зачастую уже рассматривают видеозапись именно как самостоятельное доказательство, либо не задумываясь о том, что это не отвечает букве закона, либо полагая, что такое нарушение не носит серьезного характера [10, с. 165].

В научной сфере давно бытует мнение о необходимости придания видеозаписи следственного действия статуса самостоятельного доказательства. В числе авторов, отстаивающих данную позицию, можно указать, например К.Г. Бычкову [2, с. 24], С.А. Ожердову и Н.И. Долженко [4, с. 79], С.Б. Россинского [6, с. 91]. Особенно метким видится высказывание М.Р. Глушкова. Он пишет, что в XXI в. странно и архаично выглядит расследование, в котором ключевыми средствами фиксации доказательств по-прежнему выступают пишущая ручка и бумага [3, с. 159].

Мы поддерживаем позицию ученых о необходимости придания видеозаписи статуса самостоятельного источника доказательств. На наш взгляд, техническая реализация этой идеи проста: следует внести коррективу в виде дополнения в п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, изложив его следующим образом:

«← протоколы следственных и судебных действий, *а также приложения к ним*».

Такая редакция данной нормы позволит позитивно разрешить неоднозначный вопрос о доказательственном статусе видеозаписи следственных действий и одновременно законодательно закрепить сложившуюся практику относительно анализируемого вопроса. Предлагаемое изменение уголовно-процессуального закона повлечет за собой необходимость корректировки и ст. 83 УПК РФ. Данную норму, по нашему мнению, с учетом изменений целесообразно изложить в следующем виде:

«Статья 83. Протоколы следственных действий и судебного заседания, *приложения к ним*.

Протоколы следственных действий, протоколы судебных заседаний, *а также приложения к ним* допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным настоящим Кодексом».

Легализация паритета между протоколом и видеозаписью следственного действия с практической точки зрения наделит должностных лиц органов предварительного расследования и суда возможностью оценивать оба этих процессуальных документа по требованиям ч. 1 ст. 17 и ст. 88 УПК РФ, то есть на равных условиях. Представляется необходимым в рамках настоящего исследования также ответить на вопрос о том, почему видеозапись следственного действия не может иметь статус самостоятельного доказательства по признакам иного документа (ст. 84 УПК РФ). В этом контексте поддерживаем позицию, например, М.Р. Глушкова, указывающего, что критерии иного документа не применимы к видеозаписи. В частности, посредством иных документов фиксируют данные, которые стали известны органам расследования за пределами уголовного процесса и которые не могут исходить от лиц, ведущих этот процесс [3, с. 160].

Подводя итог, резюмируем, что использование видеозаписи в процессе производства следственных действий выступает важным средством фиксации их хода и результатов, дающим возможность компенсировать ограниченный потенциал письменной речи, применяемой для закрепления имеющих значение для дела

обстоятельств. Применение видеозаписи при производстве следственных действий на стадии предварительного расследования позволяет в дальнейшем – в ходе судебного следствия – исследовать максимально полную и объективную информацию, полученную в процессе расследования преступления.

Для повышения эффективности предварительного расследования и судебного разбирательства нами предложено в настоящем исследовании предусмотреть видеозапись следственного действия в качестве обязательного средства его фиксации, а также уравнивать видеозапись в доказательственном значении с протоколом, придав ей статус самостоятельного доказательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 28 июля 2012 г. № 143-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2012. № 31. Ст. 4332.

2. Бычкова К.Г. Использование в процессе доказывания материалов аудио- и видеозаписи, полученных при производстве следственных действий // Молодой ученый. 2014. № 17.1 (76.1). С. 23–24.

3. Глушков М.Р. О доказательственном значении видеозаписи следственных действий // Российский журнал правовых исследований. 2016. Т. 3. № 4. С. 157–160.

4. Долженко Н.И., Ожердова С.А. Видеозапись следственного действия как источник доказательственной информации // Вестник криминалистики. 2007. № 4 (24). С. 79–81.

5. Муленков Д.В., Лазаренко О.В. Видеозапись как один из способов фиксации криминалистически значимой информации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 107–111.

6. Россинский С.Б. Приложение к протоколу следственного действия: признавать или не признавать как вещественное доказательство? // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2 (81). С. 91–103.

7. Рудаков Б.В. К вопросу о роли понятых и возможности видеозаписи в российском уголовном процессе // Концепт: науч.-метод. электрон. журнал. 2017. Т. 31. С. 496–500. URL: <https://e-koncept.ru/2017/970114.htm?ysclid=lrzjszlsum974875030> (дата обращения: 29.08.2023).

8. Рывкин С.Ю., Коноплева О.П. Применение видеозаписи при производстве следственных действий // Моя профессиональная карьера: науч.-практ. электрон. журнал. 2019. Т. 4. № 7. С. 45–51. URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/19467/402.pdf?sequence=1> (дата обращения: 29.08.2023).

9. Талынева З.З., Давыдова С.Р. К вопросу о доказательственном значении материалов аудио- и видеозаписи в уголовном процессе // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2018. № 4 (82). С. 54–57.

10. Тимошенко А.А. Разумность как средство от формализма в науке и практике (уголовно-процессуальный аспект) // Российский журнал правовых исследований. 2014. Т. 1. № 4. С. 161–169.

11. Хабибова Р.А. Применение видеозаписи при производстве следственных действий. Практические рекомендации // Закон и право. 2019. № 9. С. 131–133.

12. Холопов А.В. Инновационные средства и методы фотографической фиксации места происшествия // Законность. 2011. № 8. С. 25–29.

13. Холопов А.В. Использование видеозаписи при производстве допросов на предварительном следствии // КриминалистЪ. 2011. №1 (8). С. 73–77.

14. Шестакова Л.А. Процессуальные проблемы применения видеозаписи при проведении следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 4. С. 173–176.

15. Ястребова Т.И., Ордан А.В. Особенности применения видеозаписи в доказывании по уголовным делам // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2022. Т. 22. № 2. С. 47–51.